

УДК [349.9:343.971:316.723]-053.81
DOI: 10.36979/1694-500X-2025-25-7-101-110

МОЛОДЕЖНЫЕ ДЕСТРУКТИВНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ И ЭКСТРЕМИЗМ

И.А. Колпаков, Б.Г. Тугельбаева, А.И. Осадчая, Т.К. Тюлекова

Аннотация. Изучены современные молодежные субкультуры и представлена их классификация, включающая просоциальные, асоциальные и антисоциальные субкультуры. Установлено, что в настоящее время наибольшую общественную опасность для молодежи представляют асоциальные и антисоциальные субкультуры, получившие название деструктивных, представители которых наиболее подвержены внутреннему восприятию идеологии насилия. С криминологических позиций проанализированы внутренние (психологические) и внешние (средовые) факторы, которые несут ответственность за появление и развитие указанных деструктивных молодежных субкультур, могущих стать резервом молодежного экстремизма. Сделан вывод, что для снижения опасности деструктивной социализации молодого поколения необходима организация первичной профилактики в системе образования на основе объединения и согласованности усилий всех ее субъектов в лице органов государственного управления, правоохранительных органов, организаций гражданского общества.

Ключевые слова: деструктивные молодежные субкультуры; молодежный экстремизм; социализация молодого поколения; первичная профилактика; субъекты профилактики.

ЖАШТАР АРАСЫНДАГЫ ДЕСТРУКТИВДҮҮ СУБМАДАНИЯТТАР ЖАНА ЭКСТРЕМИЗМ

И.А. Колпаков, Б.Г. Тугельбаева, А.И. Осадчая, Т.К. Тюлекова

Аннотация. Макалада учурдагы заманбап жаштар субмаданияттары изилденди жана алардын социалдык, асоциалдык жана антисоциалдык субмаданиятты камтыган классификациясы сунушталды. Азыркы учурда деструктивдик деген атка ээ асоциалдык жана антисоциалдык субмаданияттар жаштар үчүн көбүрөөк коркунучту пайда кыла тургандыгы аныкталды, алардын өкүлдөрү зомбулукту ичинен кабыл алган идеологияга кыйла жакын. Жаштар арасындагы экстремизмдин резерви болуп калуусу мүмкүн болгон жогоруда аталган деструктивдүү жаштар субмаданиятынын пайда болуусу жана өнүгүүсү үчүн жоопкерчиликтүү ички (психологиялык) жана сырткы (чөйрөлүк) факторлорго криминологиялык позициядан талдоо жүргүзүлдү. Жаш муундун деструктивдүү социализацияланышы коркунучун төмөндөтүү үчүн билим берүү тутумунда мамлекеттик башкаруу органдарынан, укук коргоо органдарынан, жарандык коом уюмдарынан турган бардык субъекттердин аракеттерин бириктирүүнүн жана макулдашуунун негизинде биринчи алдын алууну уюштуруу зарыл деген корутунду чыгарылды.

Түйүндүү сөздөр: деструктивдүү жаштар субмаданияттары; жаштар экстремизми; жаш муунду социалдаштыруу; биринчи алдын алуу; алдын алуу субъектилери.

YOUTH DESTRUCTIVE SUBCULTURES AND EXTREMISM

I.A. Kolpakov, B.G. Tugelbaeva, A.I. Osadchaya, T.K. Tyulekova

Abstract. Modern youth subcultures are studied and their classification is presented, including prosocial, asocial and antisocial subcultures. It is established that at present the greatest social danger to young people is posed by asocial and antisocial subcultures, called destructive, whose representatives are most susceptible to internal

perception of the ideology of violence. From a criminological perspective, the internal (psychological) and external (environmental) factors that are responsible for the emergence and development of these destructive youth subcultures, which can become a reserve for youth extremism, are analyzed. It is concluded that in order to reduce the danger of destructive socialization of the younger generation, it is necessary to organize primary prevention in the education system based on the unification and coordination of efforts of all its subjects represented by government agencies, law enforcement agencies, and civil society organizations.

Keywords: destructive youth subcultures; youth extremism; socialization of the younger generation; primary prevention; subjects of prevention.

Слово “экстремизм” происходит от латинского слова “*extremus*”, что в дословном переводе означает “крайний” [1]. Вначале этот термин был использован при описании политических процессов, что позволило сформулировать понятие политического экстремизма [2]. Затем были идентифицированы и другие виды экстремизма: националистический, религиозный, экологический, антиглобалистский, молодежный, а к настоящему времени – киберэкстремизм.

Сегодня все большее распространение получает молодежный экстремизм. Он выражает взгляды и тип поведения молодых людей, основанные на культивировании принципа силы, агрессивности в отношении окружающих, достигающих до крайних форм физического и психологического насилия [3]. Как предполагают криминологи, проводниками молодежного экстремизма являются в основном неформальные молодежные группы и движения, которые, объединяясь, образуют молодежные субкультуры.

Молодежная субкультура – это стихийно возникающая общность, система ценностей которой выражается в различных стилях, направлениях и жанрах, социальных нормах и способах самовыражения, что находит свое отражение в манере поведения молодых людей, их внешнем облике, музыкальных пристрастиях и др.

Молодежные субкультуры характеризуются общими особенностями, среди которых:

- склонность к самоизоляции, обособление от взрослых, прежде всего от родителей и педагогов;
- уличный, ни к чему не обязывающий стиль поведения, являющийся основой любой молодежной субкультуры;
- различные по жанру музыкальные пристрастия, характерные для тех или иных молодежных субкультур;

- определенный сленг, как жаргон, понятный только избранным;
- принятие/непринятие насильственных форм поведения.

В прошлом веке яркими представителями таких молодежных субкультур были хиппи, которые появились в 60–70-х годах XX века сначала в Англии, а затем и в других странах Европы. Их радикализм проявился в “сексуальной революции”, снявшей все запреты в закрытой ранее сфере интимных отношений, в осознанном использовании наркотиков в целях “самопознания”, в появлении рок и поп музыки как способа духовного самовыражения. Проводниками этой субкультуры стали известные в те годы группы “Битлз”, “Кисс”, “Роллинг-стоунз” и др.

Как выяснилось позже, они использовали в своих выступлениях скрытую рекламу наркотиков, которая внедрялась в сознание подростков с использованием определенного ритма звука при исполнении тяжелого рока (1,5–2 удара в секунду), сопровождаемого мощным давлением сверхнизких частот (15–30 герц), что вызывало у человека экстаз, и даже наркотический транс [3]. Это говорит о том, что именно музыка часто играла важную, связующую роль в консолидации как индивидов, так и различных сочувствующих групп в определенную субкультуру, например постепенный распад субкультуры хиппи после ухода с музыкальной сцены группы “Битлз”.

В настоящее время по характеру социальной направленности можно выделить три типа молодежных субкультур:

1. Просоциальные, или положительные молодежные субкультуры, деятельность которых носит патриотический или социальный характер (поддержка ветеранов, благоприятной экологической среды и др.).

2. Асоциальные молодежные субкультуры, стоящие в стороне от основных социальных проблем, замкнутые на узкогрупповых интересах.

3. Антисоциальные или криминальные молодежные субкультуры.

Следует отметить, что последние две субкультуры характеризуются как *деструктивные*. Это понятие охватывает устойчивое поведение психически здоровой группы лиц (личности), отклоняющееся от наиболее значимых в конкретном обществе социальных норм, причиняющее реальный ущерб самой группе (личности), ближайшему окружению, обществу в целом [4].

В асоциальных субкультурах наблюдается девиантное поведение ее членов (от *лат. deviation* – отклонение), означающее эпизодическое или постоянное нарушение общепринятых в данном обществе норм и правил. Оно характеризуется такими видами поведения личности, как:

- аддиктивное (химические и нехимические зависимости);
- агрессивное (вербальная агрессивность, буллинг, тирания в отношении близкого человека);
- суицидальное (направляемое мотивами и представлениями о лишении себя жизни);
- патологичное сексуальное и репродуктивное (искажение полоролевой идентификации, аномальные сексуальные влечения и т. п.);
- социально-паразитарное (уклонение от общественно полезного труда через профессиональное нищенство, проституцию, социальное иждивенчество) [5].

Следует заметить, что из указанного перечня наиболее распространены аддиктивное и агрессивное поведения.

Для аддиктивного поведения характерным является стремление к уходу от реальности через искусственное изменение своего психического состояния посредством приема некоторых психоактивных веществ либо чрезмерной фиксации на определенных видах активности. В таких асоциальных субкультурах имеет место курение, токсикомания, наркомания, лекарственная зависимость, употребление алкогольных напитков, а также зависимость от азартных игр, экстремальных

увлечений, виртуальных социальных сетей. Это позволяет говорить о том, что в них преступления хотя и еще не совершаются, но как бы созревают, что в проблемных, конфликтных ситуациях может закончиться трагически.

Представителями таких субкультур, например, являются:

- Панки – безработная и малообразованная молодежь, носящие на голове индейские ирокезы и считающие себя свободными от любых обязательств;
- Готы – мрачные приверженцы мистики, одетые во все черное с украшениями в виде крестов и черепов, любящие тяжелый рок и фильмы ужасов, ненавидящие окружающих.
- Эму – депрессивные подростки, тяжело переживающие личные неудачи, ненавидящие себя и склонные к самоубийству.

Следует отметить, что в XXI веке молодежные субкультуры такого типа начали чаще всего формироваться внутри виртуального пространства, собирая любителей рискованного поведения путем трансформации субкультур прошлых поколений либо различных форм экстремальных увлечений молодежи. Среди них выделяются:

- Тамблер-герл (веб-панки) – худощавые девушки с идеальной кожей, ухоженными волосами и макияжем, которые ведут активную деятельность в социальных сетях, направленную на стремление похудеть. Опасность этого проявляется позже в расстройстве пищевого поведения, приводящем к анорексии и булимии.
- Сталкеры (от *англ. stalk* – подкрадываться) – поиск и обследование малоизвестных, нередко опасных для жизни мест или посещение заброшенных объектов, расположенных на поверхности земли.
- Диггеры (от *англ. digger* – “копатель”) – исследование подземного пространства городов и других подземных объектов рукотворного происхождения.
- Зацепинг (от *англ. train surfing* – серфинг на поезде) – езда на крыше, между или под вагонами транспортного состава (электричка, трамвай, метро), а также на крыше или бампере автобуса.

- Опасное селфи и видео – фотографирование или видеосъемка себя, выложенные в виртуальные социальные сети. При этом выбор места съемки или объекта для фотографии связан с повышенной опасностью, например, подросток свешивается из окна высотного здания или висит на речном мосту на одной руке и т. д. [6].

По сути, указанные субкультуры связаны с тягой молодых людей к экстриму, жаждой адреналина и желанием показать смелость перед сверстниками. Опасность их не вызывает сомнений, однако запреты лишь провоцируют такие увлечения. Это приводит к тому, что участники сообщества скрывают даты и место сбора, ограничивают общение в интернете и не сообщают о своем увлечении близким.

Отклоняющееся поведение, основой которого выступает агрессивность личности, также имеет широкий спектр своего проявления. Но для молодежи особым агрессивным поведением являются различные виды буллинга (от *англ.* bully – хулиган, драчун). Первое определение этого явления дал еще в 1993 году криминолог из Норвегии Д. Ольвеус, который предложил понимать под буллингом (травлей) преднамеренное систематически повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство власти или силы [7].

К настоящему времени закрепилось мнение, что буллинг представляет собой постоянные, длительные, намеренные негативные и агрессивные действия, направленные на одно и то же лицо со стороны другого лица или группы лиц [8].

Буллинг включает в себя:

- желание причинить вред кому-либо;
- само вредоносное действие;
- дисбаланс силы между обидчиком и жертвой;
- повторение такого поведения;
- несправедливое использование силы;
- очевидное наслаждение обидчика от чувства угнетенности жертвы.

Различают физический, вербальный, социальный буллинг и кибербуллинг [9, 10].

1. Физический буллинг предполагает, что жертва подвергается постоянному

агрессивному торможению, тереблению, преследованию, приставанию, вплоть до физического нападения со стороны обидчика (пинки, удары, сексуальные домогательства со стороны сверстников).

2. Вербальная разновидность включает придумывание кличек, прозвищ, постоянные “дразнилки”, унижения, оскорбления, насмешки, угрозы, клевету, распускание слухов и сплетен, угрозы, досаждение, когда один ребенок или группа детей постоянно пристаёт к другому ребенку или группе детей.
3. Социальный буллинг может проявляться в игнорировании, исключении из группы, изоляции, порче имущества жертвы, другие жесты или действия, причиняющие вред жертве прямо или косвенно.
4. Кибербуллинг – любые указанные выше действия, причиняющие вред жертве прямо или косвенно посредством Интернета. Является наиболее опасным видом буллинга в силу анонимности агрессора и бесконтрольного распространения негативной в отношении жертвы информации. Сегодня насчитывается свыше 20 видов кибербуллинга, включая и такие опасные, как кибербуллицид [11], могущие привести к нанесению физического вреда и даже к суициду.

Отклоняющееся поведение на базе агрессивности личности выступает предпосылкой формирования уже делинквентного (от *лат.* delinquens – совершающий проступок) поведения, поэтому лицо, практикующее буллинг и особенно кибербуллинг, практически подготовлено к вхождению в антисоциальные деструктивные молодежные субкультуры.

В таких антисоциальных субкультурах, где поведение имеет делинквентный характер, господствуют аморальные и противоправные нормы, совершение мелких проступков и их безнаказанность в силу недостижения детьми возраста уголовной ответственности либо незначительности правонарушения. Это способствует развитию уже четкой ориентации на совершение противоправных поступков (преступлений), которые обычно делят на насильственные и корыстные.

К первым относят убийства, сексуальное насилие, драки с причинением вреда здоровью, хулиганство, террористические акты и т. д., ко вторым – кражи, грабежи, мошенничество, вымогательство, торговля наркотиками, подлоги и т. д. При этом, если насильственные поступки являются отражением агрессивного поведения с точки зрения правовых норм, то корыстные поступки могут быть связаны как со стремлением к незаконному обогащению, так и с удовлетворением естественных потребностей у детей из неблагополучных семей.

В этой связи, в криминологии выделяют три типа делинквентного поведения [12], критерием разграничения которых является характер взаимодействия социальной ситуации и личности:

- последовательно-криминогенный, когда преступные действия являются проявлением привычного поведения, у правонарушителя преобладают асоциальные взгляды, ориентации, установки и ценности;
- ситуативно-криминогенный, когда преступления совершаются под влиянием неблагоприятных внешних обстоятельств, от случая к случаю. Правонарушители с данным типом поведения ведомые, легко увлекающиеся, с неустойчивой системой ценностей;
- ситуативный, когда преступления совершаются под решающим влиянием ситуации, возникшей не по вине данного лица, а вызванной неблагоприятным стечением обстоятельств. Как правило, такие правонарушения единичны.

Ряд авторов [13, 14] классифицируют современные антисоциальные делинквентные деструктивные молодежные субкультуры по следующим основным течениям:

- националистически-расистская направленность;
- религиозная направленность;
- политическая направленность.

Наиболее яркими представителями среди них являются следующие субкультуры:

- Скинхеды. Эта субкультура относится к первой категории и получила свое название от *англ.* skinhead – бритоголовые. Оно было сформировано в 60-е годы XX века в Англии как организация представителей рабочей

молодежи, выступающей за запрет использования дешевой рабочей силы из развивающихся стран. Из стран СНГ это движение получило наибольшее распространение в России, где молодежь восприняла внешнюю атрибутику западных скинхедов (стиль “милитари”) и переформатировала цели английских скинхедов на преследование мигрантов.

- Религиозные фанаты. Они представляют вторую категорию, включающую молодежные объединения, культивирующие религиозный фанатизм, основанный на извращенных духовных канонах, которые тщательно камуфлируются, поскольку допускают использование насилия, угроз, шантажа на благо своей организации. В этом плане наиболее опасными религиозными течениями в молодежной среде являются представители радикальных и тоталитарных сект, в частности, ваххабиты, придерживающиеся идей радикального ислама, и сатанисты, пропагандирующие культ Сатаны.

- Политические молодежные субкультуры. Представлены, как правило, молодежным крылом оппозиционных политических партий, ставящих своей целью борьбу с властью, изменение конституционного строя. В своих устремлениях они используют далеко не легитимные методы и средства, например, разжигание национальной розни.

В последние 20 лет деструктивные молодежные субкультуры в СНГ пополнились зародившимися на западе новыми и особо опасными видами. Среди них авторы [15–17] выделяют следующие:

- АУЕ (Арестанско-уркаганское единство). Криминальная субкультура, приверженцы которой, действуя весьма скрытно, втягивают молодежь в финансовую поддержку своего “общака”, пропагандируют преступный образ жизни и навязывают его нормы поведения.
- Скулшутинг (Колумбайн). Международное молодежное террористическое движение, поддерживающее возможность вооруженного нападения учащегося с применением

- огнестрельного оружия на учеников и преподавателей внутри учебного заведения.
- Футбольные хулиганы (офники), представители субкультуры спортивных хулиганов, которые открыто организуют силовые акции против фанатов команд соперников.
 - М.К.У. (Маньяки, культ убийств). Международное молодежное террористическое движение, которое специализируется на популяризации убийств и насилия, а также на склонении к данным действиям подерживающих их участников.
 - Группы смерти. Деструктивная субкультура, основной идеей которой является пропаганда поведения, нацеленного на поиск новых ощущений, связанных с разными формами саморазрушения (от самоповреждений до суицида).

Криминологи и психологи [18, 19] полагают, что именно представители перечисленных деструктивных молодежных субкультур наиболее подвержены влиянию экстремистского и террористического мировоззрения в силу внутреннего восприятия ими насилия как одного из самых продуктивных способов достижения любых своих целей. Чаще всего это лица мужского пола в возрасте 14–30 лет, которые придерживаются в своем поведении принципа силы и агрессии в отношении окружающих, вплоть до насилия и убийства, непримиримости к инакомыслящим, стремления к созданию тоталитарного сообщества, основанного на насилии. Они характеризуются такими чертами личности, как: конформность и внушаемость, интолерантность, склонность к насилию.

Группами риска для вовлечения в экстремистские сообщества через социальные сети являются преимущественно подростки, что обусловлено их специфическими возрастными особенностями, в частности стремлением к самоутверждению и самопознанию, к принадлежности в значимом для них окружении и высокому статусу в нем, потребностью в самовыражении собственной уникальности и интересом ко всему тайному, включая проблемы жизни и смерти.

В то же время многие подростки не способны противостоять манипулятивному и психологическому воздействию на важные для них

ценности, обладают эмоциональной неустойчивостью, резко изменяющейся интенсивностью чувств и переживаний, склонностью видеть в любой трудности неразрешимую проблему. Поэтому они, объединяясь в различные неформальные группы, находятся в активном поиске новых ощущений и необычных занятий, в выяснении своих возможностей и способностей, иногда даже на грани риска. Из этих неформальных групп со временем формируются молодежные субкультуры, существующие вне официальных структур, таких как учебные заведения или молодежные организации.

Но не только персональные психологические факторы, отражающие внутреннее содержание личности человека, отвечают за формирование его деструктивного поведения. Значительный вклад вносят также обстоятельства, связанные с внешней стороной жизнедеятельности человека, в числе которых выступают указанные ниже средовые факторы (экономические, социальные, культурные и др.):

- разрыв между бедными и богатыми;
- идеологический разрыв;
- разрыв поколений;
- разрыв социальных связей в результате миграционных процессов;
- дисфункция медийно-информационных институтов;
- влияние виртуальных игр;
- влияние криминальной субкультуры.

Разрыв между бедными и богатыми.

Если посмотреть на мировой показатель соотношения между доходами 20 % бедного населения и 20 % богатого населения, то он составил:

- в 1960 г. – 30:1;
- в 1990 г. – 60:1;
- в 2000 г. – 80:1;
- в 2020 г. – приближается к 90:1.

При этом 86 % богатства приходится на 1/5 часть мирового населения, а на остальные 4/5 населения – оставшиеся 14 %.

К середине XXI века, как предполагают экономисты, проблема неравенства в доходах увеличится, потому что, согласно концепции “20:80”, только 20 % населения будут иметь работу, а 80 % окажутся безработными.

[20, с. 21–39; 21, с. 23–33; 22, с. 7]. Понятно, что маргинализация молодежи только усилится из-за сокращения доступа к различным благам, и будет сопровождаться ростом деструктивного поведения.

Идеологический разрыв

В настоящее время во многих странах на фоне утверждения материально-эгоистических, агрессивных ценностей, примитивизации ценностно-смысловых ориентиров, распространения религиозных радикальных догм, продолжается идеологическая дезинтеграция и потеря ценностно-ориентационного единства, скрепляющего общество. Понятно, что образующийся вакуум заполняется разного толка идеологиями, часто несущими деструктивный характер.

Разрыв поколений

Теория поколений утверждает, что различия “отцов и детей” существовали всегда, и в настоящее время эти различия затрагивают несколько поколений людей, родившихся после Великой Отечественной войны в СССР, а затем в СНГ. Сегодня на арену вышло новое поколение, которое называют также поколением Z. Оно воспитывается в основном социальными сетями и интернетом, поэтому его называют первым цифровым поколением, интересы которого часто заключаются в материальной заинтересованности и поиске новых ощущений. Это как раз сегодняшние школьники и студенты, которые фактически родились с сотовым телефоном в руках, поэтому характеризуются клиповым мышлением и поверхностной памятью, но очень практичные и считающие, что они уже все и так знают.

Естественно, что это молодое поколение Z испытывает глубокий ценностный разрыв со старшими поколениями, с трудом находит с ними общий язык и поэтому предпочитает неформальное общение в виртуальном пространстве социальных сетей, где, к сожалению, может попасть под влияние деструктивных идей и организаций.

Разрыв социальных связей в результате миграционных процессов

Общеизвестно, что миграционные процессы сопровождаются развитием противоречий между разными укладами жизни, ослаблением семейных связей, конфликтом в общинах,

маргинализацией населения [23, с. 292–293]. Всё перечисленное в определенной степени способствует росту деструктивного поведения, особенно в среде молодежи.

Дисфункция медийно-информационных институтов

В деятельности СМИ наблюдается недостаточность информации для молодежи познавательного, просветительского, культурного плана, зато прослеживается приоритет передач развлекательно-игрового жесткого характера, которые оказывают большое влияние на сферы подсознания. Это сопровождается внедрением в интеллектуальную сферу криминального жаргона и традиций, например, исполнение блатных песен, использование ненормативной лексики, пропаганда через прибыльный шок-контент татуажа, завуалированной порнографии и откровенной пошлости, “реклама” девиантного образа жизни.

Психологи считают, что многие фильмы с большим зарядом жестокости и блатной романтикой способствуют накоплению у человека внутренней агрессии, воспринимаются неустойчивыми лицами из числа молодежи как руководство к действию.

При этом культурные элементы национальных и региональных систем вытесняются глобальными стандартами (мода, отдых, пища и др.), в которых ядром стиля жизни становится массовая западная культура, опирающаяся на культ денег и вседозволенность. Это отрицательно отражается на формировании мировоззрения молодежи и ее национальной идентичности с позиции восприятия позитивных ценностей и норм морали, создает предпосылки для следования далеко не лучшим образцам поведения.

Влияние виртуальных игр

Вовлечению в деструктивные субкультуры способствует большой интерес подростков к различным онлайн-играм со специальными методиками психоманипулятивного воздействия на человека, примером чего являются игры “Синий кит”, “Черный дельфин”, “Тайная игра”, в которых игровой процесс маскируется под серию заданий, предлагаемых участникам для выполнения. Как правило, задания

направлены на оказание психологического давления, побуждение к мыслям о самоповреждении. С течением времени эти задания становятся всё более опасными, включающими жестокие действия, угрозы самоубийства, а также причинение себе и окружающим вреда. Каждый новый этап игры усиливает манипуляции с психологическим состоянием игрока, вынуждая его чувствовать необходимость выполнения задания.

По сообщениям правоохранительных органов, наиболее опасными для психоэмоционального благополучия подростков являются онлайн-игры типа “Челленджи на грани” и “Момо” [24; 25]. Если в первой игре участники должны доводить себя до крайних физических или эмоциональных состояний, что может привести их к самоповреждениям или даже суицидальным действиям, то вторая игра построена на взаимодействии участников с анонимным персонажем, который требует выполнения опасных и угрожающих жизни заданий, используя деструктивное воздействие на психику подростка через запугивание, давление и манипуляции.

Влияние криминальной субкультуры

Лица, освободившиеся из мест лишения свободы, целенаправленно передавая свои криминальные познания и практические навыки, способствуют закреплению в молодежной среде тюремной субкультуры, что впоследствии может сыграть роль стартового механизма деструктивного поведения.

Такое общение может подкрепляться материальными стимулами, такими как использование “общаковых” средств для привлечения в преступное сообщество малообеспеченной молодежи через оказание им материальной поддержки. Имеет место и обратный процесс, когда молодежь обязывают конфиденциально пополнять “общаковые” средства, обещая им взамен защиту и поддержку “братьев” из криминального мира.

Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что перечисленные выше процессы общественного развития, создающие предпосылки для формирования деструктивного поведения, в той или иной степени идентичны для всех стран СНГ. В результате, социализация

современного молодого поколения проходит в достаточно жестких условиях, среди которых следует назвать масштабное девиантогенное воздействие медийно-информационной среды, возрастающую агрессивность как в физическом, так и виртуальном мире детства и юношества, превалирование материальных ценностей над их духовным миропониманием, рост социальной инфантильности подрастающего поколения, распространение неконструктивных стратегий преодоления ими трудных жизненных ситуаций [5].

Указанные трудности подтверждают существующее среди специалистов понимание того, что первичная профилактика деструктивного поведения детей и молодежи, проводимая в системе образования, самая эффективная, но только если она научно обоснована, имеет комплексный характер, обеспечена ресурсами и реализуется в течение всего периода взросления детей, подростков, молодежи [26].

Полагаем, что это требует от государства объединения и согласованности усилий всех субъектов профилактики: органов государственного управления и местного самоуправления, организаций всех ступеней системы образования, правоохранительных органов, средств массовой информации, различных профессиональных союзов и общественных объединений, в том числе молодежных, для разработки и внедрения специализированной программы по противодействию деструктивным идеологиям и механизмам их реализации.

Поступила: 27.02.2025;

рецензирована: 13.03.2025; принята: 14.03.2025.

Литература

1. *Васюкова И.А.* Словарь иностранных слов: с граммат. формами, примерами употребления / И.А. Васюкова; под ред. И.К. Сазиной. М., 2001. Новейший словарь иностранных слов и выражений. Минск: Харвест; М.: ООО “Издательство АСТ”, 2001.
2. *Садченко В.Н.* Политический экстремизм в современном мире: практикум / В.Н. Садченко. Ставрополь: СКФУ, 2017. 98 с.
3. *Тугельбаева Б.Г.* Криминология. Противодействие экстремизму и терроризму:

- международный и национальный опыт: учебное пособие / Б.Г. Тугельбаева, А.Д. Хамзаева, К.К. Кекиев; под общ. ред. Б.Г. Тугельбаевой. Изд. 2-е, перераб. и доп. Бишкек: Издательский дом КРСУ, 2023. 322 с.
4. *Комлев Ю.Ю.* Теории девиантного поведения: учеб. пособие / Ю.Ю. Комлев. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. 222 с.
 5. Методические рекомендации по внедрению в практику образовательных организаций современных методик в сфере профилактики деструктивного поведения подростков и молодежи (на основе разработок российских ученых). М.: ФИОКО, 2021. 62 с.
 6. *Григорьева А.А.* Обзор научных исследований, посвященных проблеме рискованного поведения подростков как вида аутоагрессии / А.А. Григорьева // Психология. Психофизиология. 2020. Т. 13. № 4. С. 39–48.
 7. *Olweus D.* Bullying at school: What we know what we can do / D. Olweus. New York: Blackwell, 1993.
 8. *Мацкевич И.М.* Преступность тинейджеров: стратегия XXI в. / И.М. Мацкевич // Научный журнал “Союз криминалистов и криминологов”. 2018. № 2. С. 86–90.
 9. *Реан А.А.* Руководство по противодействию и профилактике буллинга / А.А. Реан, М.А. Новикова, И.А. Коновалов, Д.В. Молчанова; под ред. акад. РАО А.А. Реана. М., 2019. 107 с.
 10. *Бочавер А.А.* Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий / А.А. Бочавер, К.Д. Хломов // Психология. Журнал ВШЭ. 2014. Т. 11. № 3. С. 177–191.
 11. *Краснова К.А.* Противодействие кибербуллингу как средство предупреждения суицидов несовершеннолетних / К.А. Краснова // Юристы-Правоведь. 2017. № 3. С. 79–83.
 12. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. М.: Изд. НОРМА (Изд. группа НОРМА, ИНФРА-М), 2001. 784 с.
 13. *Корольков К.В.* Технологии противодействия терроризму в молодежной среде: учебное пособие / К.В. Корольков. Ставрополь: СКФУ, 2017. URL: <http://www.iprbookshop.ru/75607.html> (дата обращения: 28.09.2020).
 14. *Кудрин В.С.* Молодежный экстремизм: причины возникновения, технологии предупреждения: учебное пособие / В.С. Кудрин, А.И. Юдина. Кемерово: КГИК, 2016. URL: <http://www.iprbookshop.ru/55796.html> (дата обращения: 28.09.2020).
 15. *Никишин В.Д.* Карта информационных угроз медиабезопасности / В.Д. Никишин // Информационный буклет: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в Программе развития “Приоритет 2030”. М., 2022. 62 с.
 16. *Книжникова С.В.* Амок: актуальность изучения нападений в школах, причины, возможности первичной профилактики / С.В. Книжникова // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 1. С. 152–168.
 17. *Глухова А.А.* Особенности организации и функционирования сайтов, посвященных тематике АУЕ, их роль в формировании социопатических и противоправных установок у подростков и молодежи / А.А. Глухова, Д.А. Шпилев // Уголовное право и криминология. 2019. Т. 13. № 4.
 18. *Давыдов Д.Г.* Личностные диспозиции насильственного экстремизма / Д.Г. Давыдов // Психология и право. 2017. Т. 7. № 1. С. 106–121.
 19. *Гайворонская И.Б.* Вербовка в экстремистские и террористические организации посредством сети Интернет / И.Б. Гайворонская, Т.Ф. Фомина, Б.А. Аманжолова // Психология и право. 2020. Т. 10. № 4. С. 152–165.
 20. *Лунеев В.В.* Терроризм и организованная преступность: национальные и транснациональные аспекты / В.В. Лунеев // Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический ежеквартальный альманах. 2003. № 2.
 21. *Гилинский Я.И.* Глобализация и преступность / Я.И. Гилинский // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Тр. Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2008. № 2 (15).

22. Глобальное сообщество: новая система координат (новые подходы) / под ред. А.И. Неклесса. М., 2000.
23. Шнайдер Г.Й. Криминология / Г.Й. Шнайдер; пер. с нем.; под ред. Л.О. Иванова. М.: Прогресс, 1994. 504 с.
24. МВД КР проводит профилактические работы в связи с распространением в соседних странах опасной игры для детей и подростков. URL: http://pressrelease.akipress.org/unews/un_post:12355 (дата обращения: 27.11.2024).
25. “Я знаю, кто ты”: монстр из Интернета охотится на детей. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2170784/> (дата обращения: 27.11.2024).
26. Умняшова И.Б. Нормативные основания и условия организации первичной профилактики девиантного поведения детей и подростков в системе общего образования / И.Б. Умняшова // Психология и право. 2020. Т. 10. № 2. С. 78–96.